

вой атаки. На Марсовом поле занимались строевой подготовкой.

Последние две недели перед войной сдавали экзамены. Вдруг по городу объявили учения ПВО. Очень боялись, что могут схватить санитарные отряды. Бежишь через Невский, тебя хватают, кладут на носилки и «волокут лечить». А у тебя не то что часа, минуты лишней нет. Поэтому занимались ночью, а днем спали. Июнь был роскошный: тепло, все цветет. Готовились к педагогике. В 4 часа утра пошли прогуляться по набережной. Поллюбовались восходом солнца. Вернулись и легли спать. В 12 часов проснулись от крика дежурной. Она требовала включить радио, чтобы прослушать сообщение Молотова.

В первую же военную ночь дежурили на улице, на постах, на крыше. Рыли окопы в институтском дворе, вдоль воронихинской решетки тянулись окопы. Все были мобилизованы на организацию госпиталей в зданиях школ. Копали окопы в районе Средней Рогатки (современная площадь Победы).

Из воспоминаний военных лет

К 40-летию Победы в Великой Отечественной войне были собраны эти воспоминания: Н. А. Спицыной (жены Н. С. Масленникова), Д. Кожуховой (жены Ю. В. Кожухова), Е. В. Петровой, Т. П. Смирновой, В. В. Лаптева. Многих, кто делился своими воспоминаниями, уже нет в живых.

Военные годы были страшны обыденностью смерти. Но человеческий дух выше смерти!

«Вы спрашиваете, что было самым характерным для студентов 40-х годов? Наверное, наше чувство долга. Я, например, была страшной трусихой, но нужно было ночами дежурить — сторожить город. И я шла. Только не делайте из нас героев... Мы работали на заводах в блокадном Ленинграде

Н. С. Масленников

и рубили под Кыштымом лес, так же как тысячи других женщин и девушек...»

«Наше общежитие (на Желябова) разбомбило. Мы перебравшись жить в институт. В январе лекции нам читали в бомбоубежище. Холодно. Сидим в зимних пальто и шапках. Но одежда не греет. Чернильницы держим левой рукой, чтобы не замерзли чернила, а правой пишем. Еле-еле мерцает огонек коптилки. По стенам пляшут огромные тени. Нас очень мало. Все мы уменьшаемся за одним длинным столом. Лектор сидит рядом с нами. Это Виктор Николаевич Бернадский. Он читает лекции по методике преподавания истории. И веришь: значит, мы еще будем преподавать. Говорит Виктор Николаевич тихо, с трудом. У него страш-

но исхудало лицо. Теплая меховая шапка надвинута на самые брови. Из рта вырывается пар. Это были, скорее, не лекции, а задушевные беседы от сердца к сердцу. Он нас всех знал по именам. Заменял нам родных и близких.

Виктор Николаевич был и наставником, и другом. Когда в общежитие попала бомба, он сказал: «Не горюйте. Главное — не вещи, люди. Живы будете и книги будут. Бейтесь за жизнь. Не поддавайтесь голоду».

«Когда из блокадного Ленинграда начали вывозить горожан, то Евгения Викторовна помогала принимать их. Особенно страшные воспоминания остались о первом дне. Разгрузили эшелон, привезли блокадников в больницу. Они все грязные, вшивые. Скорее в баню, обмыли их, разложили по койкам. На следующий день пришли, а половина мертвых! Оказывается, их нельзя было сразу мыть. Погиб и Александр Евгеньевич Кудрявцев. Его вывезли под Вологду. Там встретили бывшие студенты своего декана и сразу досыта накормили. А этого делать было нельзя».

«Николай Сергеевич Масленников служил на Ленинградском фронте. Командир направил его заведовать складом продовольствия для раненых. Через несколько дней Н. С. нашли в голодном обмороке... Оказалось, что он ночами не спал, оберегая бесценные банки сгущенки, тушенки, хлеб, а свой паек отдавал раненым. Командир сказал: «Масленникову давать еду без ограничений!»

Уходя на фронт, Николай Сергеевич оставил рукопись своей диссертации жене. Даже в трудные дни блокады хрупкая женщина сохранила эту рукопись. Надежда Александровна не расставалась с диссертацией даже во время бомбежек. Портфель с рукописью она, обессилевшая от голода, вывезла на Большую землю...».

Игрались на войне и свадьбы.

В К Фураев

«Гости собрались. Их было немного — восемь человек. Стол накрыт празднично, к свадьбе Ждали жениха. Никто не сомневался, что жених придет, если... Это «если» было особенное, жених вел бой

Свадьба происходила под Ижорой на Ленинградском фронте. Землянка была тесная и неудобная — только в фильмах изображают свадьбы в землянке с танцами, а здесь негде было развернуться И праздничный стол был более чем скромнен —

тушенка, картошка, спирт, шоколад — это праздничный подарок друзей. Полевые цветы.

Невеста прибежала со службы, она была связисткой и ее отпустили с дежурства. И благословение нужно было получать не от родителей, на свадьбу требовалось разрешение командования и оно было получено. Ожидание закончилось нескоро — после боя усталый и счастливый жених вбежал в землянку, им был Юрий Вячеславович Кожухов.

День свадьбы Юрия Вячеславовича Кожухова был одновременно и днем его рождения. Многие преподаватели факультета помнят его последний день рождения... Обычно такие торжества проходят в парадных залах или превращаются в помпезные банкеты. Но в тот день распахнулись широко двери кафедры, где он работал десятки лет. Юрий Вячеславович словно хотел вместить всех в эти маленькие комнатки...»

«С годами я все отчетливее понимаю, что вещи — мишура, главное богатство — люди (вспоминает *В. В. Лаптев*). Война хорошо показала это. Как политработнику мне приходилось подолгу беседовать с людьми на фронте. Казалось бы, с виду человек простой, незаметный, а разговоришься — и целый мир перед тобой. И столько добра, душевной теплоты...

Яркие воспоминания оставили встречи с Алексеем Толстым. На фронте он казался очень доступным, общительным, несколько экстравагантным и очень жизнелюбивым, остроумным.

По журналистским делам на войне и уже после войны мне приходилось беседовать с К. Симоновым. Разговоры с ним всегда поражали необыкновенной открытой правдивостью. Это был честный, мыслящий, очень благородный человек».